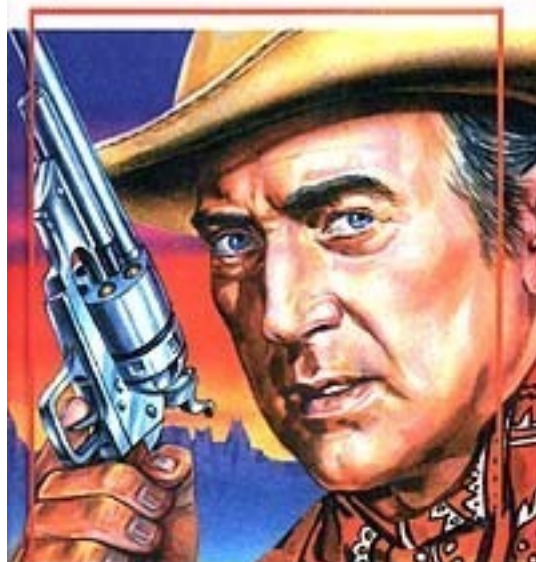

 ВИНЧЕСТЕР
ЛУЧШИЕ ВЕСТЕРНЫ

МАКС БРЭНД
ТРОНА ДЖЕКСОНА

Макс Брэнд

Возмутитель спокойствия

«Центрполиграф»

Брэнд М.

Возмутитель спокойствия / М. Брэнд — «Центрполиграф»,

После смерти старого Ньюболда, растранившего большое состояние, его сын, привыкший к роскоши мальчик-неумеха, оказался без гроша в кармане, зато получил участок бесплодной, пустынной земли. Нелегко вести хозяйство и противостоять набегам бандитов, которых в те времена на Западе было великое множество.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Макс Брэнд

Возмутитель спокойствия

Часть первая

Глава 1

Если бы в аду выпадало хоть с четверть дюйма осадков в год, безусловно, Ньюболд занялся бы скотоводством и там. Честно говоря, мы все не сомневались, что принадлежавшие ему угодья мало чем отличались от настоящего пекла – дождя здесь за целый год проливалось лишь чуть больше заветной четверти дюйма.

Единственным его спасением был западный участок пастбищ, в небе над которым несколько раз в год все же собирались гонимые ветрами дождевые облака и время от времени проливались на этот крохотный клочок земли обильными ливнями. И вот когда пастбища на юге и востоке оказывались совершенно истощенными, нам приходилось гнать коров сквозь зубья перевалов, перебираясь вместе с ними на зеленеющий участок. К концу этого путешествия стадо в большинстве своем состояло из тощих коров-доходяг с потухшим взором, изможденных жаждой и бескормицей. Добравшись же до вожаемого пастбища, животные с такой жадностью набрасывались на траву, что многие вскоре начинали мучиться от несварения, а иные и вовсе околевали от переедания.

И неудивительно! Нужно было обладать очень богатой фантазией, чтобы вообразить, будто бы какой-то жалкий островок среди совершенно ни для чего не пригодной земли сможет прокормить все стадо. Мы даже шутили по этому поводу, говоря, что Ньюболд устроил для своих коров школу выживания и любой его годовалый бычок может запросто отмахать галопом полмили ради одной-единственной травинки, а потом бежать еще дня три ради глотка воды, что, кстати, было не так уж далеко от правды.

В свое время один не слишком добросердечный, но зато, очевидно, очень веселый человек с довольно развитым чувством юмора помог Ньюболду основать свое дело, уступив ему совершенно даром участок земли, положивший начало будущим угодьям. Ньюболду тогда было всего лишь шестнадцать лет. В тех краях отродясь не водилось никакой иной живности, кроме койотов да еще, пожалуй, лисиц, хотя выжить там было тяжело даже им. Медведи, как известно, всеядны и вполне могут прокормиться, выкапывая из земли корни, разоряя гнезда диких пчел, но даже уважающие себя гризли не выдерживали и ревели от тоски, обводя грустными взорами отказанный Ньюболду участок выжженной солнцем пустыни.

Но он и не думал горевать.

У него было счастливое, безмятежное детство. Старый Ньюболд в свое время сколотил неплохое состояние на торговле лесом, а потом еще одно, занявшись скотоводством. Выгодными оказались также мытье золотого песка и торговля земельными наделами. Однако нажитое добро не задерживалось у старика – расточительного транжиры и к тому же заядлого картежника. Примерно раз в год, после изобретения очередного оригинального способа выиграть, он всей душой отдавался картам, вдохновенно делая крупные ставки, но, несмотря на все ухищрения и теоретические расчеты, неизменно оставался в дураках, чего в общем-то и следовало ожидать. Ведь по большому-то счету победа в любом случае всегда у карточной колоды, с одинаковым успехом покоряющей умы и сердца как людей порядочных, так и отпетых проходимцев.

У Ньюболда был единственный сын и наследник. И вот после смерти старика этот привыкший к роскоши мальчик-неумеха оказался выпихнутым в жизнь без гроша за душой, с призрачной надеждой на лучшее будущее. Потом, как я уже говорил, старинный друг его отца пожертвовал парню участок пустынной земли, где до тех пор обитали лишь лиса, койот и с полдюжины кроликов – одна дохлятина, кожа да кости.

Однако Ньюболд-младший с благодарностью принял этот дар. В то время все его хозяйство состояло лишь из полутора десятка коров и старенького ослика. Когда же крупные скотоводческие хозяйства перегоняли свой скот через принадлежавший ему выжженный солнцем участок, он стал подбирать отбившихся от стада, умирающих молоденьких бычков и телочек, перекупая их у владельцев за чисто символическую плату, после чего нянчился с ними до тех пор, пока они вновь не обретали возможность передвигаться самостоятельно.

Думаю, коровы просто боялись умереть на руках у мальчишки, должно быть считая, что земной рай все-таки существует, но вот только находится он вне границ хозяйских владений. Они продолжали бороться за жизнь, устремляя тоскливые взоры печальных глаз куда-то в светлое будущее, и затем действительно выходили в широкий мир, где и заканчивали свой земной путь под ножом мясника.

Хозяйство Ньюболда развивалось столь бурными темпами, что, когда ему исполнилось восемнадцать, он положил глаз на участок, граничивший с его владениями. Тогда юный скотовод отправился в Чикаго, где и разыскал парня, за которым формально числилась оставшаяся часть ада на земле. Тот человек, услышав о желании Ньюболда купить его владение, решил приглядеться к просителю повнимательней, но увидел перед собой лишь крепкого подростка, темный загар которого делал его похожим на хорошо смазанный двигатель. Сперва владелец земли предложил ему ее арендовать всего за доллар в год, но в конце концов согласился продать, запросив по доллару за акр. Назначенная цена была откровенно грабительской, если, конечно, не считать вышеупомянутых лугов в западных долинах.

Вернувшись на Запад, Ньюболд в очередной раз пополнил поголовье стада за счет партий коров, жизненные силы которых были исчерпаны практически до последней капли. И потом из года в год перегонял эти живые мощи из конца в конец своих владений. Многие из несчастных доходяг околевали по дороге, но на остальных все же удавалось кое-что заработать.

Итак, в возрасте шестнадцати лет он обзавелся собственным участком; расширил свои владения, когда ему стукнуло восемнадцать; и на протяжении последующих пятнадцати лет греб деньги, выжимая все, что только возможно, из скудного каменисто-песчаного надела. В щедром, благодатном краю ему вряд ли удалось бы добиться столь замечательных результатов. Ньюболд был одним из тех чудаковатых гениев, знающих, как получить нечто из ничего. И вообще, странный был парень, как будто не от мира сего.

В свои тридцать пять он выглядел на все пятьдесят. Это был отчаянный смельчак, опытейший погонщик и редкостный скряга, каких свет не видывал. Кормежка у него на ранчо была из рук вон скверная, и платил он своим людям гораздо меньше, чем те могли бы заработать в других хозяйствах. Но даже несмотря на это, работники от него не разбегались. Во-первых, он был прямодушен; во-вторых, к самому себе он относился даже еще хуже, чем к наемным работникам; в-третьих, всегда поддерживал своих людей, словно все они доводились ему родными братьями, когда те порой ввязывались в потасовки с пастухами, пасущими овец, и прочими проходимцами; и в-четвертых, что важнее всего, – погонщика, выдержавшего хотя бы год у Ньюболда, затем, как правило, охотно брали на работу в другие хозяйства.

Именно эта, четвертая причина и привела меня в его края. А еще мне не давало покоя любопытство, ибо имя Ньюболда было у меня на слуху еще со времен моей юности, причем если поначалу его называли «юным повелителем коров», то затем лишь вздыхали: «Да уж, тяжелый случай, этот Ньюболд».

Это действительно был тяжелый случай. По-настоящему расслабиться ему удавалось лишь в драке, но со временем возможностей для такого рода досуга у него становилось все меньше и меньше. Он стал слишком известной личностью. Смелчаки, одержимые желанием прославиться, изредка все еще навевались на ранчо, нарываясь на неприятности, однако все они либо сами поворачивали назад и благоразумно ретировались, либо их приходилось оттуда вывозить, так как множественные увечья не позволяли им передвигаться самостоятельно.

Дело дошло до того, что Ньюболд мог сесть в седло и проскакать без передышки шестьдесят миль лишь ради того, чтобы поскандальить с соседом или ответить на замечание, которое согласно слухам якобы кто-то когда-то отпустил по его адресу. Но потом даже эти дальние поездки перестали приносить ему облегчение. Поэтому единственное, что Ньюболду оставалось, так это бороться с погодными условиями, ценами и железными дорогами – три вещи, одолеть которые было не под силу даже ему. Но и это досадное недоразумение не могло охладить его пыл.

Казалось бы, такого груза проблем и забот вполне хватило бы, чтобы свести в могилу пятерых обычных человек, однако Ньюболду его показалось явно мало – он задумал наладить заготовку сена в западных долинах своих владений.

В основе любой грандиозной затеи должен лежать план. Вы расстилаете на столе перед собой карту и расчерчиваете ее множеством линий. С помощью карандаша огораживаете участки лучшей земли, а затем мысленно закупаете сенокосилки и прочие полезные механизмы для заготовки сена, скашиваете траву, из которой получается отличное сено, теоретически прокладываете дорогу через перевалы, и – готово! В то время как земля на востоке угодий начисто лишится растительности и начнет все больше походить на загорелую стариковскую лысину, в вашем распоряжении окажется огромное количество первоклассного корма, чтобы коровы могли протянуть до следующего скудного дождика, струи которого принесут в прудики и резервуары новые потоки грязи и немного воды.

Такова была в общих чертах задумка нашего босса. Это был грандиозный, добросовестно составленный план. Имея его под рукой, наверное, можно было бы творить чудеса. Единственный и самый главный недостаток этого плана заключался в том, что постройка забора, прокладка дороги, приобретение сенокосилок и механических граблей, приводимых в действие парой лошадей, стоили денег.

Однако Ньюболд решил и эту проблему, поступив очень логично, в присущей лишь ему манере. Вы, наверное, вообразили себе, что он немедленно уселся за написание банального заказа, адресуя его какому-нибудь крупному производителю сельскохозяйственного инвентаря, и буквально через несколько дней после этого мы отправились на железнодорожную станцию, где выгрузили из вагонов разные хитроумные приспособления – все новенькое, выкрашенное сверкающей синей, красной и зеленой краской?

Ничего подобного! Так поступил бы всякий нормальный человек, но только не Ньюболд. Он был слишком скуп для этого. Наш босс первым делом нанял на работу одноногого механика и семидесятилетнего старика кузнеца – оба они вызвались работать практически задаром, за кормежку и табак. Затем соорудил кривобокий навес и отбыл с ранчо, объявив, что отправляется «по делам» и вернется не раньше чем недели через три.

Случается так, что время от времени на Западе вдруг умирает какой-нибудь состоятельный ранчиро. Большая семья распадается, и безутешные родственники первым делом начинают распродавать хозяйственный инвентарь, инструменты. Орудие труда, с которого стерлась краска, будь то плуг или сенокосилка, автоматически переходит в разряд «старья». А старые вещи, как известно, никому не нужны. И нет никакой разницы, как долго пользовался инструментами прежний владелец – шесть лет или все шестнадцать. Никого это не волнует. Старье оно и есть старье. Я сам видел, как сенокосилка стоимостью сто двадцать пять долларов продавалась всего за пять, а за сорокадолларовый почвоуглубитель никто не хотел давать больше

одного доллара; ходовой механизм для повозки ценой семьдесят пять долларов ушел с аукциона за семьдесят пять центов, а целая гора разносортного железного хлама – цепи, головки для молотков, плужные лемехи были проданы всего за один доллар и двадцать пять центов. Даже старьевщики торгуются крайне неохотно, когда дело доходит до распродажи хозяйственного скарба.

А Ньюболд в этом отношении был человеком совсем не гордым и просто соглашался на предлагаемую цену. Он посетил несколько распродаж, и первой его покупкой стал кузнечный горн, инструменты для кузницы и прочие нужные в хозяйстве мелочи. Вскоре после этого нам было велено приучить мустангов к хомутам и упряжи. Затем мы отправились за сорок миль на станцию и начали свозить закупленный по бросовой цене хлам на ранчо. Работа была нудная и утомительная, тем более что мустанги так и норовили отделаться от упряжи, что получалось у них даже быстрее, чем у бегущих купаться ребятишек, сбрасывающих по дороге к пруду с себя одежду.

Но как бы там ни было, в конце концов вся рухлядь была благополучно доставлена по назначению. И первым делом Ньюболд наладил работу кузницы под присмотром и общим руководством семидесятилетнего кузнеца; а самые сообразительные из нас – сразу оговорюсь, что я не вошел в их число, – поступили в распоряжение одноногого механика. Они вместе с кузнецом должны были стать мозговым центром этой авантюры, в то время как нам, погонщикам, отводилась роль грубой рабочей силы. Это была совершенно дурацкая, убийственная затея, однако ничего иного от скряги Ньюболда ожидать, увы, не приходилось.

Мы работали как проклятые на протяжении нескольких недель, распрямляя искореженные железные оси повозок, которые, очевидно, в прошлой жизни страдали наследственным плоскостопием и ревматизмом. Мы латали упряжь с помощью уже когда-то побывавших в употреблении заклепок, обрывков сыромятного шнура и вязальной проволоки. Мы извлекли из сенокосилок их загадочные железные внутренности и, поколдовав над ними, запихнули обратно, моля Всевышнего о том, чтобы все это заработало. Мы размотали многие мили перекрученной, спутанной и, наконец, просто ржавой колючей проволоки. К вашему сведению, моток ее может выделывать разные трюки ничуть не хуже необъезженного мустанга: он подскакивает так же высоко, брыкается так же сильно и кусается так же больно. И в довершение ко всему никогда не устает.

Ну, короче говоря, в конце концов забор мы все же воздвигли, а потом пахали, сеяли траву, косили ее, сушили и сгребали сено.

Однако в этот момент наш босс убедился, что перетащить без потерь копы сена через перевалы по проложенной им, с позволения сказать, дороге все равно не удастся. Тогда ему пришлось обзавестись агрегатом для вязки сена в тюки.

Вот тут-то все и началось.

Глава 2

Вскоре мы получили еще одно устройство – пресс для сена.

У него было даже название – «Маленький гигант», хотя по части создания трудностей это оказался вполне нормальный, взрослый гигантище.

Вообще-то Ньюболд ничего не имел против трудностей, связанных с тем обширным участком пустыни, который он, по своему обыкновению, гордо именовал не иначе как «пастбищем». Ему это даже нравилось. Чем упорнее была битва, тем больше радости он от нее получал; чем дольше она длилась, тем сильнее крепчало его второе дыхание. Не обращая никакого внимания на погоду, на наличие или отсутствие дождя и на цены, он делал свое дело – выращивал скот, заставлял других его пасти и делал на этом деньги.

А теперь я попробую объяснить, почему тот пресс для сена показался мне настоящим гигантом. Все очень просто. Потому что он в одиночку одержал верх над Ньюболдом, уложив его на обе лопатки. Во всяком случае, после тесного общения с агрегатом тот стал совершенно другим человеком.

Мне так и не было дано постичь принцип действия данного устройства. Эта штукавина представляла собой нечто среднее между самоходным краном и грузовой платформой, сочетая в себе все недостатки данных устройств при полном отсутствии достоинств. Адская машина разбила сердце механику и едва не вогнала в гроб беднягу кузнеца. Я никогда не забуду того, как он сидел вечерами, пригорюнившись, подперев голову одной рукой и сжимая обломок какой-нибудь железяки в другой, будучи уже даже не в состоянии ругаться и слишком расстроенным для того, чтобы заснуть.

Я хорошо помню тот день, когда мы в конце концов переправили пресс через самый труднодоступный перевал, милую за милей протащив его через скалы и тесные ущелья. Мы подкладывали камни под колеса, стараясь удержать махину на склоне, не давая ей сорваться вниз и раздавить в лепешку впряженных в нее мустангов. Мы подпирали эту дурацкую штукавину бревнами, чтобы, упаси Бог, она не дала задний ход и не скатилась обратно в низину. Тот день запомнился мне всякими мелкими подробностями. Например, тем, что тогда меня лягнул брыкучий пегий конь, точный удар задних копыт которого достиг моей задницы прежде, чем я успел отскочить на безопасное расстояние; но главным образом потому, что тем вечером в нашем лагере объявился новый человек, который уселся ужинать вместе со всеми.

Это был Даг Уотерс, больше известный под прозвищем Бурливый, на что были довольно веские причины, главная из которых заключалась в том, что время от времени он становился зачинщиком разного рода заварушек, приносящих шума и ущерба не меньше, чем река в половодье. Это был высокий и с виду безобидный человек с большим, острым кадыком; с лица его не сходила смущенная улыбка. Он тихонько сидел в уголке и всем своим видом словно умолял присутствующих не обращать на него внимания.

Но уж босс-то его заметил, можете не сомневаться.

Ньюболд всегда самым пристальным образом разглядывал всякого чужака, решившего отобедать на дармовщинку в нашем лагере. Как я уже говорил, так плохо, как у нас, не кормили больше нигде, хотя, видит Бог, мы, погонщики, народ избалованный и по части еды совершенно непритязательный. Ньюболд же придиричиво следил за каждым куском хлеба из прокисшего теста, подобно тому, как ювелир не спускает глаз с бесценного алмаза.

Иметь за столом такого сотрапезника – удовольствие довольно слабенькое.

Ньюболд прошествовал туда, где сидел Уотерс, и спросил без обиняков, кто он такой и чем занимается. Узнав же, что перед ним сам Бурливый, босс аж поперхнулся от неожиданности, после чего велел Уотерсу немедленно проваливать ко всем чертям. Еще он сказал, что никогда в жизни не прогнал с порога своего дома ни одного порядочного человека, но

ради того, чтобы спустить шкуру с негодя и подлеца, готов отправиться пешком за тридевять земель и еще вдобавок переплыть реку.

Наш хозяин был личностью известной, уж можете не сомневаться, но и Уотерс, если уж на то пошло, был тоже не лыком шит; как только мы услышали его имя и увидели, как спокойно и уверенно он держится, сразу поняли, что это поистине опасный противник. Это самый верный признак. У хвастунов и выскочек патронов в магазине всегда гораздо меньше, чем слов, которые они бездумно разбрасывают. Немногословные же парни, вроде бы подолгу раздумывающие над каждой фразой, на поверку оказываются теми, кто при случае может устроить погром в салуне и потом перестрелять целый отряд из подручных шерифа, отважившихся пуститься за ними в погоню.

Итак, судя по внешности и ходившим по округе слухам, Бурливый был явно из их числа; однако хвататься за пистолет и наставлять его на Ньюболда он не стал. Но еще никогда в жизни я не видел, чтобы кто-нибудь другой глядел на нашего босса с такой неприкрытой ненавистью.

Наконец Уотерс проговорил:

– Ньюболд, я очень неважно себя чувствую. Еду издалека, путь неблизкий, за два дня у меня во рту не было ни крошки. И еще. Не подумай, я не побираюсь, не прошу у тебя милостыни. Этого ты не дождешься никогда. Просто позволь мне немного посидеть за твоим столом. У меня нет денег, чтобы заплатить за еду, но могу отдать тебе уздечку с моего коня. Сам я запросто обойдусь и без нее, с одним лишь недоуздком.

Все мы выжидающе уставились на босса. На мой взгляд, любой нормальный человек не устоял бы перед подобной прямоотой и пошел бы Бурливому навстречу. Но Ньюболд, по-видимому, был целиком отлит из закаленной стали, типа той, что идет на боеголовки для бронированных снарядов.

– Да пошел ты к черту вместе со своей уздечкой! – объявил он. – Выметайся из моего лагеря, покуда я не разозлился и не вышвырнул тебя отсюда! Ты вор и бродяга, а я тварей вроде тебя на дух не переносу. Если ты и болен, то радуйся тому, что я не сделал тебя еще менее здоровым. Чтоб ты свалился по дороге и стервятники принялись бы за тебя прежде, чем ты успеешь сдохнуть. Так что давай проваливай, пока я не набил тебе морду!

В голове у меня мелькнула мысль, что теперь-то уж перестрелки точно не избежать и что все закончится очень быстро. Боссу же было как будто все равно. Возможно, он предпочел бы выяснять отношения при помощи кулаков, однако, если уж на то пошло, этот человек с одинаковым успехом умел также управляться с ножами, пистолетами или даже кольями. Во всяком случае, вид у него был довольно грозный, а свет от скачущих по поленьям огненных языков пламени придавал его стройной, подтянутой фигуре еще больше внушительности.

Но Даг Уотерс лишь смерил его задумчивым взглядом, каким обычно провожают летящую по небу на недостижимом расстоянии дичь, после чего удивил нас еще больше, заявив:

– Тебе незачем мारать об меня руки. Я и сам уеду.

С этими словами он встал из-за стола и отправился восвояси, и, что самое удивительное, ни у кого из нас, как это выяснилось из последующего разговора, даже в мыслях не было обвинять Уотерса в трусости. Все мы сошлись во мнении, что он, должно быть, что-то задумал. Пит Брэмбл сказал, будто бы он видел, что Уотерс едва не упал, вставляя ногу в стремя. И все мы согласились, что, скорее всего, он действительно был не вполне здоров, припоминая, что и лицо у него было слишком бледное, как будто совсем обескровленное.

После того как босс отправился спать, Пит Брэмбл обвел суровым взглядом нашу притихшую компанию и мрачно сказал:

– Теперь жди неприятностей. Это уж слишком. Ведь человек болен, а он... – Тут Пит замолчал и принялся сосредоточенно раскуривать трубку.

Повар стоял тут же, рукава его рубашки были высоко закатаны, и на его перепачканных в жире красных руках отражались огненные блики.

– Болен? – подхватил он. – Ладно бы только больной, так ведь еще и голодный! Куда ж это годится?! Прогнал человека, как бездомного пса!

Наверное, это был самый никудышный повар на всем белом свете, но я был готов броситься ему на шею и расцеловать за такие слова. Он выразил общее мнение, и в последующие два или три дня никто даже не ругал его за то, что кофе невкусный, а фасоль подгорела.

На следующий день мы доставили пресс для сена на первую из делянок и подготовили машину к работе. Подобный агрегат трудно описать словами, занятие это неблагодарное, так что я предпочел бы этого не делать. Во-первых, чем меньше я вспоминаю о нем, тем лучше себя чувствую. А во-вторых, я так никогда и не понял принципа его работы и ничуть об этом не жалею.

Могу лишь сказать, что эта штукавина предназначалась для того, чтобы много сена занимало поменьше места, и представляла собой длинный ящик с расположенной внутри его трамбовкой, ходившей вверх-вниз на четырех длинных железках. Агрегат приводился в действие при помощи четырех привязанных к перекладине взмыленных мустангов, беспрерывно ходивших по кругу. Первые полкруга уходили на то, чтобы привести тяжелую чушку в верхнее положение, а затем пресс опускался вниз, утрамбовывая сено. И так без остановки, круг за кругом, до полной готовности тюка, когда погонщик выкрикивал: «Вынимай!» – и опускал заслонку, удерживавшую трамбовку, пока тюк перевязывался проволокой.

Первое, что нам предстояло сделать, так это выпустить на покос целую эскадру из четырех так называемых «джексоновских» механических граблей. Специально для тех, кто никогда ничего подобного в глаза не видел и понятия не имеет, что это такое, поясню. Это такая штука со множеством заостренных и обитых железом деревянных шипов, торчащих спереди. За этой большой гребенкой воздвигнута деревянная решетка, позади которой впрягаются две лошади, и уже за всем этим, в самом конце, располагается сиденье возницы, поставленное на колесо.

Моя работа заключалась в управлении одной из этих угрожающего вида повозок. Поначалу я очень восторгался столь хитроумным изобретением, но не прошло и часа, как радость моя как-то очень быстро пошла на убыль. Весь трюк заключался в том, чтобы тронуться с места с поднятыми зубьями машины, но даже на холостом ходу неповоротливый тарантас то вдруг начинал скатываться под горку, хотя никакого уклона в этом месте не наблюдалось, или же вихлял из стороны в сторону, подскакивая на кочках, которых не было и в помине. А теперь можете сами вообразить, как будет вести себя парочка мустангов, с грехом пополам обьеженных под седлами и почти совсем непривычных к упряжи, если их запрячь вот в такое грохочущее стойло на колесах.

Они то брыкались, то припадали к земле, то вдруг начинали упираться и пятиться назад, а потом рваться вперед, видимо надеясь убежать. Но расклад был явно не в их пользу. Кони были привязаны спереди и сзади, а также заперты оглоблями с обеих сторон, так что, когда они решили понести, я просто опустил шипы в землю, и, лишь вспахав таким образом около акра земли, зловредные животные все-таки были вынуждены признать свое поражение.

Мне тоже пришлось несладко. Честно говоря, я был несколько обескуражен. Я всегда считал, что за годы, проведенные в седле, кожа моя должна была бы загрубеть и приобрести должную прочность, но жестоко ошибался. Железное сиденье, поставленное на тряское, подпрыгивающее на ухабах, дребезжащее колесо, обнаружило на моем теле множество новых, крайне чувствительных мест, о существовании которых я прежде даже не подозревал.

В конце концов мустангам это все надоело, и тогда я смог приступить к работе, состоявшей в том, чтобы подобрать столько копен, сколько поместится на повозке, и сгрузить их прямо возле пресса. Лошади вполне могли бы и самостоятельно справиться с разгрузкой, ведь для этого им нужно было лишь немного сдать назад, однако эта нехитрая операция оказалась выше их понимания, они продолжали упираться и артачиться. Питу Брэмблу пришлось даже

вынуть спички и спалить им волоски на нижней губе, прежде чем до них дошло, что передвигаться можно в двух направлениях, в том числе и назад.

Работа была тяжелой и нудной. Я едва не вывихнул себе обе руки, заставляя пятиться пару норовистых кляч, попавших ко мне в упряжку. Я отчаянно чертыхался, пытаюсь хоть как-то править этим дурацким и вихляющим из стороны в стороны изобретением, высоко подпрыгивая при этом на жестком сиденье, словно резиновый мячик. Мне начало казаться, что мое сердце и желудок поменялись местами, а печень и легкие просто слились воедино, так что к полудню захотелось все бросить и уйти.

Я отправился к боссу, намереваясь поделиться с ним моими соображениями, и тогда же мне на глаза впервые попался тот мальчишка.

Мне нужно немного дух перевести, прежде чем начинать рассказ о нем.

Глава 3

Я бы сказал, что ему было лет пятнадцать, не больше, однако выглядел он старше своего возраста. У него были крепкие, покатые плечи – вроде тех, что порой можно увидеть у хорошо сложенного мула. Шея его только-только начинала становиться бычьей, челюсть – бульдожьей, а взгляд – порочным. Лицо паренька было усеяно яркими веснушками.

– Это искры и угольки от огня, который бьет у него из самой макушки, – как-то объяснил нам Пит Брэмбл.

Волосы у мальчишки действительно были огненно-рыжего цвета.

И вот этот курносый человечек сидел на валуне, пожевывая травинку и прикидываясь таким простачком. Вряд ли кому-нибудь из взрослых удалось бы проделать то же самое с такой же степенью достоверности. На голове у него красовалась примерно половина шляпы, из дыр в тулье которой во все стороны выбивались непокорные вихры. Одет он был в рубашку без воротника и одного рукава. Мешковатые брюки с подрезанными штанинами явно свидетельствовали о том, что их прежний владелец был человеком взрослым, к тому же отличавшимся довольно могучим телосложением. Ботинок на нем не было вообще, а на голых икрах виднелись белые отметины, оставшиеся на месте старых царапин. Короче, он был похож на молодого льва, с которого ободрали шерсть, а шкуру основательно поджарили на солнышке.

Некоторое время я разглядывал это юное создание, а потом поплелся к боссу, который встретил меня как родного неким подобием улыбки, прибереженной, наверное, для какого-нибудь пятиюродного племянника.

– Ну, Джо, как дела? – поинтересовался он.

– Тоска зеленая, – признался я.

– Тебе скучно? – уточнил он.

– Дело в том, босс, что я приехал сюда и нанялся к вам на работу, потому что слышал, будто здесь хоть как-то можно развлечься.

– Конечно, Джо, – согласился он, – я всегда старался увлечь парней каким-нибудь хорошим делом, чтобы они потом не страдали от бессонницы и их не приходилось бы убаюкивать по вечерам. Раньше держал для этих целей бригаду менестрелей, в обязанности которых входило петь им на ночь колыбельные, но затем решил, что будет лучше просто озадачить каждого работой. И признаться, ты первый, от кого я слышу жалобу такого рода.

– Это довольно странно, – заметил я, – но осмелюсь предположить, что вы просто не прислушивались. Хотя, если разобраться, все не так уж плохо. Чего стоит одна объездка десяти-двенадцати неукротимых бестий, которых вы почему-то скромно именуете рабочими лошадками! Уверяю вас, все мы, а я в особенности, каждый год с неизменным трепетом и воодушевлением ждем такого незабываемого развлечения.

– Я давно заметил это, Джо, – кивнул хозяин. – Во всяком случае, в свободном полете ты смотришься весьма грациозно.

– Есть и другие маленькие радости, – продолжал я. – Например, бак с застоявшейся питьевой водой, из которой приходится постоянно выуживать червей; фасоль каждый день на завтрак, обед и ужин; а еще мясо, которое можно жевать, наверное, целую вечность, и ничего ему от этого не будет. Сухари тоже вещь занятная: поколотишь сухариком по столу, а потом наблюдаешь за долгоносиками, которые вылезают посмотреть, кто это стучится в двери их древнего жилища.

– Слушай, Джо, – подхватил Ньюболд, – похоже, я, сам того не ведая, устроил здесь настоящий водевиль, и все ради того, чтобы вы, парни, не загрустили.

– Скорее настоящий колледж, – поправил я. – Всего за каких-то два года здесь можно вполне освоить любой из мертвых языков, ибо, как известно, человеческого языка ваши

коровы попросту не понимают. Врачебная подготовка тоже на высоте, потому что каждый, кто в состоянии пронянчиться с вашими телятами всю зиму, сможет потом запросто завести себе первоклассную практику по уходу за престарелыми и немощными богачами, которые при такой чуткой заботе протянут на этом свете еще с десятков лет, не меньше.

– А вот об этом я как-то не задумывался, – покачал головой босс. – Наверное, мне уже давно следовало бы установить плату за прием на работу, а я, дурак, вместо этого еще и жалование вам плачу.

– Это непростительная оплошность с вашей стороны! – поддакнул я. – Мы с ребятами уже давно хотели вам об этом сказать, но... видите ли, некоторые особо чувствительные люди очень огорчаются, когда им не удается задействовать свой потенциал на полную катушку. Вот мы, грешным делом, и подумали, что вы, наверное, тоже из их числа.

– Теперь мне все ясно, – ухмыльнулся босс, проявляя при этом гораздо больше выдержки, чем я от него ожидал. – Моя ошибка в том, что все это время я был чересчур щедр и слишком великодушен.

– Мне очень неприятно говорить вам об этом. Терпеть не могу жаловаться, но такова жестокая правда. Взять хотя бы крышу на нашем бараке – затейливый узор из дыр придает ей огромное сходство с ажурной сорочкой, что, видимо, было задумано специально для того, чтобы, даже лежа на койке, мы могли любоваться звездами. Обыкновенный погонщик непривычен к столь трогательному проявлению заботы и внимания со стороны своего хозяина. Хотя, должен признать, в некотором смысле это оказалось даже удобно – например, теперь мы можем без труда узнать, что на улице начался дождь, или же, не выходя из помещения, судить о том, сдохнут коровы ночью от холода или нет.

– Картина мне ясна, – кивнул он. – Я просто был слишком добр!

– Шеф, я человек простой, жаловаться не привык, но по мне, уж лучше горькая правда. Мы же неучи, люди приземленные, а тут такое отношение. Кстати, сам я ничего против учения не имею и работу свою обожаю, но сегодняшний день окончательно выбил меня из колеи. С этой джексоновской таратайкой я томлюсь от безделья и буквально засыпаю на ходу.

– Джо, – ответил мне на это босс, – ты разбиваешь мне сердце. Похоже, продолжительный контакт с мягчайшим железным сиденьем подействовал на тебя не лучшим образом.

– Да уж, – осторожно признался я, – впечатление такое, будто с меня заживо содрали полярда шкуры. Редкий работяга вроде меня, привыкший иметь дело исключительно с чистокровными скакунами, не станет томиться от безделья, доведись ему править всего-навсего парочкой покладистых лошадок, вроде тех, что достались мне сегодня утром.

– Просто они очень хорошо воспитаны, – пояснил он. – Я это сразу понял.

– Да, шеф, – согласился я, – они целый день только и занимаются тем, что расшаркиваются друг перед другом в реверансах. По их милости на мне живого места не осталось!

– Какая досада, – покачал Ньюболд головой.

– Да, я даже прихрамывать начал. Все это время тешил себя надеждой, что смогу занять себя хоть чем-то полезным, а тут словно в насмешку судьба свела меня с трехколесной пародией на повозку, да еще выдавшей такие виды, каких мне за всю жизнь не перевидеть. Этот тарантас умудряется проезжать даже там, где, казалось бы, проехать невозможно. Я бы сказал, что это карета для выпускника.

– Я и сам не устаю восхищаться ею, – поделился он. – Ну так что, Джо, и какой в этой связи у тебя напрашивается вывод?

– Мне очень жаль, босс, но думаю, нам придется расстаться. Боюсь, вы ошиблись во мне. Вам следовало бы набирать себе людей из приюта для престарелых, больницы или еще из какого-нибудь заведения такого рода; они не стали бы возражать против неполной занятости и были бы только рады развлекаться по двадцать часов в день. Наберите себе стариков, и они здесь снова почувствуют себя детьми; вот они-то не станут артачиться и будут беспрекословно

отправляться вечером в постель, чтобы проспать свои законные четыре или даже целых пять часов.

– Дружище! – воскликнул босс. – Твои советы поистине бесценны. Огромное спасибо, я тебе за них бесконечно признателен. И все-таки, возможно, я хоть как-то могу облегчить твоё бремя и предложить тебе другую работу.

– Какую же? – заинтересовался я. – Какая еще работа может быть на этих посиделках?

– Отчего же, можно, к примеру, работать на подаче сена, – предложил он. – К тому же Пит Брэмбл, как я погляжу, чуть не засыпает на ходу. Он вон там работает вилами. Почему бы тебе не поменяться с ним?

– Не уверен, что Пит захочет со мной меняться, – засомневался я.

– А мне почему-то кажется, что Пит с радостью поменяется местами с кем угодно, – возразил он. – Даже с резчиком проволоки.

С тонкостями процесса резки проволоки я тогда еще не был знаком и мог судить о нем лишь по крикам, доносившимся с той стороны; время от времени пронзительные вопли работавшего там парня достигали ушей моего мустанга, и он неизменно взбрыкивал, словно от удара кнута.

И тут подал голос рыжеволосый мальчишка.

– Резка проволоки – это мое самое любимое занятие, – объявил он.

Босс смерил его оценивающим взглядом:

– И охота тебе связываться? Ведь это работа для малышни.

– А я не прочь снова впасть в детство, – парировал мальчишка. – Я с удовольствием остался бы здесь, если бы вы разрешили мне целый день играть в такие игрушки.

– Полагаю, о прессах для сена ты тоже знаешь решительно все? – предположил босс.

– Нет, не все, – поскромничал паренек. – Много уже успел подзабыть. Но были времена, когда я мастерил их вот этими руками. Так-то.

– И как, на твой взгляд, – продолжил босс допрос, – смог бы ты за три часа нарубить столько проволоки, чтобы нам хватило на час работы?

– Думаю, что и за час нарубил бы ее столько, что вам хватило бы на три.

– Мне тоже так кажется, – фыркнул босс. – Наверное, ты и с этим справился бы. Это же обычное дело для нормального мужика, зарабатывающего по доллару в день, не так ли?

– Знаете, как принято говорить в таких случаях? Дают – бери, бьют – беги!

Ньюболд аж подпрыгнул от неожиданности. Но в следующее мгновение, очевидно, вспомнил, что перед ним всего-навсего мальчишка. Снова смерив пацана оценивающим взглядом, он распорядился:

– Тогда, малыш, живо дуй туда и принимайся за работу. Скажи Бошу Миллеру, что он может оставить в покое и проволоку, и машинку для ее резки.

Однако мальчишка не спешил. Остался сидеть, где сидел, и по-прежнему жевал травинку, лениво перекатывая ее из одного уголка рта в другой.

– За доллар в день? – уточнил он.

– Если сумеешь нарезать столько проволоки, чтобы мы могли работать без остановки, то да! – подтвердил босс. – Но смотри мне, если запорешь больше двух отрезков... Кстати, звать-то тебя как?

– Чип, – отозвался паренек.

– Так вот, Чип, если испортишь больше двух отрезков, я тебя в порошок сотру, – пообещал босс.

Но эта заключительная часть фразы оказалась обращенной в пустоту, ибо пацан резво сорвался с места, устремившись туда, где работал резчик проволоки.

– Ну так как, Джо? Что ты теперь скажешь? – обратился босс ко мне.

– Ну что ж, – протянул я, – если Пит Брэмбл окажется таким идиотом, что согласится взяться за мою работу в обмен на свою, то я, пожалуй, тоже сделаю очередную глупость и останусь. Уж очень охота поглядеть, чем дело кончится. Это же не парень – орел!

Я поплелся к стогу и поинтересовался у Пита, не желает ли он уступить мне свое место и взяться за мою работу.

Пит подошел ко мне сквозь облако пыли и, растроганно моргая, взял обеими руками за плечи.

– Послушай, ты это серьезно? – проговорил он.

– Вполне, – ответил я.

Брэмбл молча развернулся и торопливо заковылял туда, где все это время стояла моя повозка. Опустив глаза, я глянул на собственные плечи. На них с обеих сторон красовалось по кровавому пятну.

Глава 4

Как говорится, выше головы не прыгнешь. Основная трудность заключалась в том, что, хотя Ньюболд и знал решительно все о коровах, в прессах для сена он практически не разбирался. В этом смысле наш хозяин был совершеннейшим профаном! Вернее, у него имелись кое-какие теоретические соображения на сей счет, но теории, как известно, губили и куда более великих личностей, нежели был он.

Теоретически возможно все: в дело вкладываются десять долларов, а потом остается лишь следить за рынком ценных бумаг, продавая акции именно в тот момент, когда цена на них достигает высшей точки, чтобы закупить их побольше и снова продать. За первую неделю теоретически это принесет вам триста двадцать долларов чистого дохода, за вторую – десять тысяч, за третью – двадцать тысяч триста, за четвертую – десять миллионов, за пятую – двадцать миллионов триста тысяч, за шестую – десять миллиардов. Готово!

К началу седьмой недели слух о вашем теоретическом успехе доходит до мультимиллионеров, и все они жаждут быть официально представленными вам; на восьмой неделе эти толстосумы прямо-таки умоляют вас взять их к себе на работу, а правительство единогласно принимает решение наградить медалью финансового гения, который лишь по доброте душевной удержался от того, что не скупил на корню по дешевке весь Уоллстрит и остаток страны в придачу.

В самом начале Ньюболд ознакомил нас со своей теорией.

Он сообщил:

– Придурок, который продал мне эту машинку, сказал, что ее производительность рассчитана на сорок пять тонн прессованного сена в день, но на практике, как правило, выходит сорок, потому что приходится тратить время на выемку тюка и на новую загрузку агрегата. Вычтем из этого еще пять тонн, которые этот мошенник наверняка приврал. Но даже в таком случае мы имеем тридцать пять тонн в день. Мы скосили три тысячи акров, стало быть, нам предстоит спрессовать где-то около двух с половиной или даже трех тысяч тонн и управиться со всем этим за девяносто дней. Итак, девяносто дней – это уйма времени, но ведь и три тысячи тонн сена тоже цифра нешуточная. Этого сена должно хватить на прокорм пяти тысяч ослабленных коров в течение ста дней в условиях самой лютной зимы или летней бескормицы. Теперь вы видите, какое это имеет для нас значение?

Для него это был привычный стиль изложения. Ньюболд любил порассуждать о хозяйственных делах на равных, как будто все мы одна компания, а он среди нас не более чем просто, скажем, бригадир.

Кстати, мужик, продавший ему пресс, просветил его также на тот счет, что обвязчикам тюков обычно принято платить восемнадцать центов за тонну, рабочим, загружающим сено, – по семнадцать, а погонщику – четырнадцать.

Как раз эта часть их беседы, похоже, начисто вылетела у босса из головы. Но узнали мы об этом с большим опозданием, когда Ньюболд уже установил нам расценки в половину меньше общепринятых. Однако даже те гроши казались нам сказочным богатством.

Возьмем восемь центов, помножим их, скажем, на сорок тонн – в итоге получаем верных три доллара двадцать центов в день и почти целую сотню долларов в месяц, если, конечно, работать без выходных.

А разве мы станем брать выходные? Конечно же нет! Ночью того дня никто не мог заснуть. Мы лежали на койках без сна и мысленно уже покупали себе новые седла, обзаводились чистопородными скакунами, выигрывали на них Кентуккийские скачки, после чего отправлялись путешествовать в Нью-Йорк, на Кубу и вообще наслаждались жизнью.

Даже новобранец-мальчишка не остался в стороне, выполнив и перевыполнив установленную ему норму. Он скакал кузнечиком от одного конца своей машинки к другому и нарезал гораздо больше проволоки, чем требовалось для бесперебойной работы. Моток проволоки стремительно разматывался, а направляющий ролик нагревался от трения – так споро шла работа. Мы использовали длинный проволочный прут для продольной перевязки тюка, после чего перехватывали его с обоих концов поперек при помощи двух проволок покороче. Мальчишка разошелся настолько, что маленькие отрезки вылетали из машинки словно сами собой. Для того же, чтобы выдать большой прут, ему приходилось поднапрячься, изо всех сил налегая на тугой рычаг. Но он ни разу не запросил пощады и проработал, не снижая темпа, до самого вечера. А в конце дня как ни в чем не бывало подошел к боссу и весело объявил:

– Ну что, Ньюболд, тебя можно поздравить? Сегодня ты заполучил первоклассного работника.

– Кого же это? – не понял хозяин.

– Меня, – признался пацан. – Если не веришь, то взгляни вот на это! – И он указал на аккуратный штабель из проволоки, нарезанной им за день.

Обычно Ньюболд не лезет за словом в карман, но только на этот раз сказать ему было нечего. Так что он просто молча развернулся и отошел, а мальчишка приобрел место постоянного работника и жалованье как у взрослого – доллар в день, что по тем временам было совсем не так уж и мало.

Но тут мне придется на какое-то время оставить в покое мальчишку и вернуться к повествованию о том, что все это время происходило с прессом для сена.

Работа с вилами у стога с виду не представляла собой ничего сложного. Единственное, что требовалось от вас, так это вооружиться ковшеобразными джексоновскими вилами и вонзить их в копну сена. Затем вы кричите: «Трогай!» – после чего погонщик-крановщик хлещет вожжами лошадь, впряженную в подъемный механизм. Вся копна взмывает в воздух, зависая над специальной платформой, вы дергаете за трос, и сено валится туда, где до него может добраться работник, загружающий его непосредственно в пресс. Казалось бы, что проще? У стороннего наблюдателя может даже сложиться впечатление, что вы просто стоите себе рядышком и откровенно бездельничаете.

Но на деле все оказалось гораздо сложнее.

Начать хотя бы с того, что вилы весили никак не меньше сорока фунтов и весь этот вес был распределен крайне неравномерно, сосредоточиваясь в самых неудобных местах. При этом четыре длинных, изогнутых и острых как игла зубца, возвращаясь в исходное положение, упорно норовили впиться вам в ноги. Железяка же, приводившая в действие заслонку, оказалась снабжена острыми гранями и, похоже, была специально создана с таким расчетом, чтобы защемлять вам пальцы.

Для того чтобы управляться с такими вилами, необходимо обладать определенной сноровкой. С одной стороны, приходится то и дело уворачиваться от надвигающихся острых шипов механических граблей, влекомых парой норовистых мустангов. Отскочив в сторону, вы слышите крик работника, вкалывающего на загрузке пресса и требующего от вас новой порции сена. И тут наступает время пускать в ход вилы, но делать это нужно с умом и должной осторожностью, так как если подцепить разом огромную копну, то работнику на платформе придется надрываться, чтобы разодрать ее на охапки нужного размера. Если же, пожалев его, станете подавать сено почаше, но совсем уж маленькими порциями, то ничего хорошего из этого тоже не выйдет: вы лишь замучаете до полусмерти впряженную в подъемник лошадь, которой придется постоянно пятиться назад, да к тому же заставите простаивать работника, которому по доброте душевной пытались помочь. Прибавьте к этому для пущей наглядности густое облако пыли и мелкой сенной трухи, постоянно набивающейся вам за шиворот, а также в глаза, рот, и получите целостную, до некоторой степени правдоподобную картину происхо-

дящего. Но и это описание не идет ни в какое сравнение с жестокой реальностью, ибо никакими словами невозможно передать той гаммы чувств, что возникает в душе человека после тесного общения с прессом для сена.

От себя добавлю, что в тот день я все же кое-как продержался до вечера. Когда рабочий день закончился – а произошло это уже в темноте, спустя довольно много времени после того, как солнце скрылось за горизонтом, – у меня не хватило сил даже на то, чтобы вымыть руки.

Вместе с остальными я поплелся к навесу, служившему одновременно и кухней и столовой, где уселся за стол, уныло взирая на чумазую лепешку с куском бекона, которую повар называл нашим ужином, и мысленно стал уговаривать себя приняться за еду. В этот момент появился босс. Из его всклокоченной шевелюры во все стороны торчали сухие травинки, а спина линялой фланелевой рубахи была густо запорошена трухой.

Он пересчитывал бирки, полученные от обвязчика тюков, и вид у него был довольно безрадостный.

В конце концов Ньюболд изрек:

– Паршивых девятнадцать тонн!

– Девятнадцать диких взбесившихся кошек! – возразил я.

Босс уселся на свое место, взглянул на лепешки в тарелке, после чего повернул голову и даже открыл рот, собираясь устроить нагоняй этому огородному пугалу, возмнившему себя поваром, но потом, похоже, вовремя вспомнил, что это он сам закупал продукты, которыми теперь были вынуждены питаться все, включая бедолагу повара. Это несколько умирало его пыл.

Девятнадцать тонн!

Так оно и было. Он показал нам записи, и все мы по очереди заглянули в них, отказываясь верить собственным глазам. Готовый тюк сена тянул в среднем примерно на сто восемьдесят фунтов, а мы выдали немногим больше двух сотен таких тюков. Работники, подававшие сено в пресс, клялись и божились, что они затолкали в жерло адской машины по крайней мере полную тысячу тонн сена; на что обвязчик тюков заявил, что они врут и не краснеют, ибо он самолично извлек из-под пресса по крайней мере две тысячи тонн, все их перевязал, пронумеровал, откатил в сторону и сложил в штабеля.

Тут подал голос мальчишка.

Похоже, скользкие от жира лепешки не вызвали у него никаких особых эмоций. Он съел их с таким аппетитом, словно это были бисквитные пирожные, а солонина – медом. И все это запил солоноватой бурдой, которую наш повар упорно называл кофе.

Так вот, теперь этот пацан заявил во всеуслышание:

– Не огорчайтесь, парни. Учиться никогда не поздно. Вот если бы мне дали поработать на подаче сена, то уж я бы вам показал, как это нужно делать: сперва заложить охапку побольше, а потом постепенно уменьшать порции, сводя их мало-помалу просто до вороха трухи на последней закладке.

Все мы уставились на него. Что касается меня, то я и вовсе был готов его удавить. Но тут в разговор снова вступил хозяин:

– Так ты, выходит, знаешь, как это делается, не так ли?

– Разумеется, знаю! – отозвался мальчишка. – Я в свое время собственноручно строил такие машинки. Можно сказать, я же их и изобрел.

– Ну что ж, – проговорил босс, – вот завтра утром заберешься на платформу и покажешь пример, как нужно работать. Но учти, до обеда ты оттуда не слезешь.

– Да запросто, раз плюнуть! – отмахнулся пацан, но на этот раз вид у него был довольно встревоженный.

Ровно в четыре утра трамбующая чушка пресса совершила свой первый удар, а мальчишка к тому времени уже стоял на платформе, и в руках у него были вилы, оказавшиеся выше его самого.

Но самое удивительное было то, что накануне он говорил чистейшую правду, утверждая, будто бы знает, как надо работать! На него можно было обрушить самую большую копну, загромождавшую целиком всю платформу, а ему неизменно удавалось разгрести площадку для подачи, и, когда громоздкая нижняя челюсть механизма поднималась, для нее уже была готова очередная порция сена, которая незамедлительно отправлялась в прямоугольное отверстие длинной железной глотки.

Для первой подачи он сложил большую копну, старательно выровнял ее бока и прилепил вилами сверху; когда же трамбовка оказалась в верхнем положении, то начал сбрасывать вилами в жерло пресса верхушку копны, даже не дожидаясь подъема площадки. Таким образом, сена в камере приемника оказалось столько, что пресс им едва не подавился, принимаясь за трамбовку тюка.

Мальчишке удавалось в два счета разделить на аккуратные кучки беспорядочно сваленный ворох сена, с виду больше напоминающий спутанный клубок колючей проволоки. Даже когда площадка камеры оказывалась совершенно пустой, он каким-то образом ухитрялся наскрести по углам достаточно сена для закладки новой порции. Но помимо всего прочего, пацан еще успевал изводить меня своими дурацкими подковырками, то и дело окликаая сверху и издевательски интересуясь, не заснул ли я, достаточно ли ел каши и как долго еще там собираюсь копошиться?

При этом я не был единственной жертвой его остроумия – погонщику тоже досталось сполна. Подъемником заправлял ирландец по имени Клив Руни, и настал такой момент, когда Руни бросил свою лошадь и начал карабкаться на платформу, надо думать для того, чтобы разорвать нахального малолетку в клочья. Тот же как ни в чем не бывало стоял наверху и еще подначивал, обещая пересчитать ему зубы и заткнуть его раз и навсегда.

Похоже, такая тональность беседы несколько отрезвила Руни, заставив вспомнить, что перед ним всего лишь пацан. Ирландец вернулся к своему подъемнику, но каждый раз, проводя лошадь мимо платформы, бросал злобный взгляд на работавшего там мальчишку.

Справедливости ради должен сказать, что красноречие пацана распространялось не только на нас с Руни. Иногда он выглядывал из-за угла пресса и интересовался у другого погонщика, кого он поставил себе в упряжку – отловленных в прерии зайцев или просто слабосильных осликов? Бедолага доходил до белого каления и от этого все чаще щелкал кнутом лошадей.

А этот соплик еще умудрялся перегибаться через край платформы и отпускать парутройку любезностей в адрес обвязчика тюков, издевательски интересуясь, уж не заигрался ли он там, часом, в кости, не надорвался ли от такого усердия, и вообще, не рановато ли отцепился от маменькиной юбки?

Не остались незамеченными мальчишкой даже возницы, правившие громоздкими конными граблями. Его пронзительный голосок разносился далеко, прорываясь сквозь лязг пресса, перекрывая возгласы и брань других работников.

Немного погодя он перестал меня донимать – наверное, понял, что меня не так-то легко вывести из себя. Я же просто с интересом наблюдал за его тактикой, а поэтому и не думал злиться. Было совершенно очевидно, что пацан нарочно доводил и подначивал нас, взрослых мужиков. Таким образом он хотел подогнать нас, заставить работать поживей, и в какой-то мере это ему удавалось.

А еще мне до ужаса любопытно было поглядеть, как долго мальчишка протянет. Сохранить столь бешеный темп до полудня ему не удастся, в этом я был абсолютно уверен. Бесспорно, Чип знал все о технологии загрузки пресса и умел виртуозно орудовать вилами – а это целое искусство. Однако, несмотря на то что был так ловок, самоуверен и силен не по годам,

попросту физически не мог продержаться долго, запихивая в камеру приемника бесконечные тонны сена в густом облаке летящей пыли, стоя на жаре – сорок градусов в тени. Одному Богу известно, до какой отметки мог доползти столбик термометра на солнцепеке, где ему приходилось работать.

Мы отработали с четырех до шести. Затем был сделан перерыв на завтрак. За едой мальчишка был очень весел, радостно щебетал, подобно раннему жаворонку, и еще успевал отпускать шуточки в наш адрес. В десять часов наступило время второго завтрака, состоявшего из вареного чернослива, хлеба и кофе. Пацан был по-прежнему довольно бодр, но, похоже, его веселость пошла на убыль. Он не стал спускаться с платформы, а просто насмешливо проговорил оттуда:

– В чем дело? Вы что, парни, вообразили себя школьниками и решили, что вам будут платить за безделье?

Но вниз так и не сошел, просто исчез из виду, и я понял, что он растянулся под палящими лучами солнца, чтобы хоть немного отдохнуть.

Расправившись с завтраком раньше остальных, я вышел из-за стола и тайком отнес к прессу кружку кофе. Чип неподвижно лежал на платформе, глаза его были закрыты, а рот слегка приоткрыт. Я осторожно тронул его за плечо, и он, вздрогнув, поспешно принял сидячее положение. Потом угрюмо глянул на меня, выпил залпом кофе и молча протянул мне пустую кружку. После этого поднялся на ноги и снова взялся за вилы.

Я отнес кружку обратно.

– Послушайте, босс, – обратился я к Ньюболду, – может, все-таки велите мальчишке уйти с пресса? Он же там сдохнет.

– Ну и пусть подыхает! – отозвался тот, а Руни и еще двое парней с готовностью поддержали его мнение.

Так что мне ничего не оставалось, как просто вернуться обратно, наблюдать за происходящим и волноваться, ибо у меня появилось такое ощущение, что я сказал больше, чем знал.

Глава 5

Хотите – верьте, хотите – нет, но только за время, прошедшее с четырех до одиннадцати утра, пацан загрузил в пресс четырнадцать тонн сена!

Весть об этом немедленно облетела всю делянку, и уже даже самым прилежным работникам не терпелось увидеть своими глазами, чем же все это кончится. Как бы там ни было, а только долго держать столь высокий темп невозможно. А уж тем более когда речь идет о пятнадцатилетнем мальчишке. Но только я хочу повториться и высказать наше общее мнение, что выглядел он гораздо старше своих лет. Где-то в глубине души мы понимали, что поступаем очень плохо, но только признаться себе в этом никто не спешил.

Однако когда пробило одиннадцать, а мальчишка все еще продолжал орудовать вилами на верхней площадке пресса, вот тут уж я не на шутку забеспокоился.

К тому времени он уже не донимал никого своими насмешками и колкостями. Сквозь висящую в воздухе завесу пыли я видел его лицо – оно выражало высшую степень сосредоточенности, а наморщенный лоб придавал ему старческое выражение. Пацан безропотно, без жалоб и нытья отбывал свою повинность. Полагаю, никогда прежде он даже не догадывался, что на белом свете еще встречаются первобытные люди вроде нашего босса – столь же ограниченные и жестокосердые!

А солнце продолжало свой путь к зениту, щедро обрушивая на землю миллионы тонн раскаленных добела лучей. Каждый час мы меняли лошадей в упряжке. Каждые два часа сменялись обвязчики тюков. И только мальчишка наперекор зною и духоте оставался на своем посту, похоже, даже не собираясь молить о пощаде!

Бедный Чип!

Но затем судьба все-таки сжалилась над ним, подкинув козырного туза с самого дна колоды.

Я имею в виду мисс Мэриан Рэй. Она подъехала к нашей компании легким галопом, восседая верхом на самой лучшей из своих лошадей. Ее визит был для нас полнейшей неожиданностью. Вообще-то дом ее семейства находился всего в каких-нибудь десяти милях, то есть почти совсем рядом, но невозможно было себе представить, чтобы такая барышня, как Мэриан Рэй, вдруг оказалась так далеко от дома – даже в сопровождении вооруженного эскорта, не говоря уж о том, чтобы отправиться в подобную поездку в полном одиночестве. Ведь она была девицей благовоспитанной, аристократкой до мозга костей.

Меня же откровенно бесила ее самоуверенность, с которой она разгуливала по округе и совала свой нос во все дела. Не то чтобы Мэриан пренебрежительно относилась к окружающим, вовсе нет. Даже наоборот, она была всегда мила и обходительна, для каждого у нее находилась минутка внимания и доброе слово, и все парни в округе были от нее без ума. Что же касается меня, то я всегда был равнодушен к белокурым красоткам с нежной кожей и румяными щеками, какими их обычно рисуют в книжках. Они не производили на меня особого впечатления, а мисс Рэй с ее демократичными манерами нравилась и того меньше.

Она даже время от времени появлялась на танцах, где, впрочем, никогда не задерживалась дольше получаса и одной минуты. Первые полчаса просто стояла в сторонке, вслух восхищаясь развешанными повсюду гирляндами, бесконечно повторяя, что «это очень мило», организационный комитет буквально превзошел сам себя и так далее в том же духе. Затем всего на одну минуту входила в круг танцующих в паре с Тексом Бреннаном или с другим красавчиком вроде него, умеющим ловко выделять ногами разные фигуры, после чего все остальные девушки на ее фоне начинали казаться невзрачными дурнушками.

Но самое удивительное, что других девиц это, похоже, нисколько не задевало. Вся округа как будто сошла с ума, и одно лишь упоминание имени Мэриан Рэй вызывало у обывателей

благоговейный трепет, причем женщины в этом смысле ничуть не отставали от мужчин. Наверное, в их глазах она была настолько богата, красива, обаятельна и все такое прочее, что даже завидовать ей было бесполезно.

Мэриан была одета как обычная девушка с ранчо. Наряд ее состоял из широкополой шляпы, свободной блузы и юбки-брюк. Должен признаться, вид такой красотки, восседающей верхом на несущейся галопом лошади, заставляет трепетать сердце любого мужчины.

Но когда она подъехала поближе, то стало ясно, что в ее облике куда больше городского шика, нежели обыкновенной сельской простоты. Выглядела девушка так безупречно и изысканно, словно три горничные трудились целое утро не покладая рук, и все ради того, чтобы сделать ее еще более неотразимой, чем она есть на самом деле.

Даже босс был как будто несколько удивлен ее приездом. Остальные же парни попросту разинули рты, так им не терпелось услышать хотя бы слово от этой финтифлюшки. А Ньюболд даже бросил работу на несколько минут.

Я сказал «бросил», но это не совсем так. Он просто воспользовался вынужденным простоям, во время которого меняли лошадей, чтобы поболтать со столь неожиданной гостьей. Прочие же великовозрастные идиоты отчаянно вытягивали шеи, глазели на девицу, восхищались ею, готовые пасть к ее ногам и умереть, мило ей улыбались, смущенно краснели, и при этом вид у них был откровенно дурацкий.

– А вы, мистер Ньюболд, как я погляжу, прямо-таки настоящий рационализатор, – проговорила она.

– Как-то само собой получилось. Вот и все, – ответил он и, подобно остальным, тоже расплылся в широкой, глуповатой улыбке.

Я вынул из кармана плитку табака, откусил кусочек и, задвигая его языком за щеку, почувствовал, как расслабляются мышцы на лице. Я разглядывал девушку и раздумывал над тем, отчего же мы, мужики, такие слабаки. Возможно, в любой другой день она бы и произвела на меня столь же сильное впечатление, какое обычно производила на всех остальных, но тогда я слишком переживал из-за парня, к тому же пот ручьями струился у меня по лбу и попадал в глаза, а за шиворот постоянно набивалась колючая труха, что тоже не настраивало на романтический лад.

Поэтому я оценивающе посмотрел на девушку и сказал сам себе: «Не дури! Тебе бы что-нибудь попроще, а то и оглянуться не успеешь, как выйдешь в тираж».

А Мэриан расхаживала вокруг и всем восхищалась. Она первый раз в жизни увидела пресс для сена в действии. Я слышал, как девушка восторгалась бесстрашием погонщика, уверяя его, что лишь настоящий смельчак способен вот так, как он, ходить за этими неистовыми, норовистыми конями. А что, если поперечина ворота сломается? Подумать только, что тогда с ним произойдет!

Затем она восхитилась обвязчиком тюков, выразив восторг по поводу того, как это один работник может выполнять столько операций одновременно, и разве это не замечательно, что человеческие руки могут действовать как будто сами по себе, словно каждой из них управляет собственный мозг. Затем вернулась обратно, глянула на меня и ужаснулась тому, какому огромному риску я себя подвергаю, орудуя этой громоздкой штуковиной с четырьмя изогнутыми и острыми, как копыта, зубьями. По своему обыкновению, Мэриан назвала меня по имени – Джо. А вы вспомните Наполеона. Ведь он знал поименно всех солдат своей армии, разве нет?

Так вот, в этом и заключался весь фокус. Кстати, получалось это у нее чертовски величественно, и даже недостойнейший из подданных мог рассчитывать на благосклонный взгляд царственных очей.

– Уж можете не сомневаться, – ответил я, – риск огромный...

Я хотел добавить еще что-то, но тут облако пыли над платформой немного рассеялось, и она увидела бледное лицо мальчишки как раз в тот момент, когда тот вонзал вилы в огромную копну сена.

– Боже мой, мистер Ньюболд! – воскликнула девушка с таким неподдельным ужасом в голосе, что даже у меня по спине побежали мурашки. – Неужели вы нанимаете детей... с оплатой по заниженным расценкам?

Мне показалось, что Ньюболд был готов сквозь землю провалиться. И тогда я мысленно пожелал, чтобы так оно и случилось, чтобы земля сомкнулась у него над головой и чтобы он уже никогда не выбрался обратно.

Глава 6

Все-таки не часто выпадало счастье поглядеть на Ньюболда, оказавшегося в дурацкой ситуации. Но именно в ней он теперь и был. А тут еще этот негодный сопляк, этот Чип, загрузив в пресс последнюю охапку сена, остановился у самого края площадки и в то время, как погонщик прокричал «Вынимай!» – заявил:

– Эй, Ньюболд! Мы что тут, для танцев собрались, что ли? А баба-то здесь что делает?

Я подумал, что после этих слов Руни уж теперь точно заберется наверх и оторвет мальчишке голову; а обвязчик тюков вытащил из пресса готовый тюк, закрыл дверцу, после чего высунулся из-за угла и одарил пацана свирепым взглядом.

Но я понял, в чем дело.

Просто Чипу не было никакого дела до женского сострадания. У меня сжалось сердце. Подумать только, какая железная выдержка у этого мальчика! Я знал, что ему было очень плохо, что он с ног валился от усталости, но при этом не жаловался и не требовал сострадания к себе! И если уж на то пошло, не хотел, чтобы его жалела женщина!

Уж можете не сомневаться, босс, разумеется, не полез за словом в карман и объяснил присутствие мальчишки по-своему:

– Видите ли... это новичок. Вызвался показать нам, как надо обращаться с прессом. Вот теперь и петушится от осознания собственной значимости!

– Да уж, – вздохнула Мэриан Рэй. – Иногда еще встречаются вот такие грубияны от рождения. И их можно только пожалеть!

Но в голосе ее больше не слышалось сострадания. Она смирила мальчишку таким взглядом, от которого, пожалуй, расплавилась бы и оцинкованная крыша; но только Чип к тому времени уже отвернулся от нее, заталкивая в глотку старенького пресса новую порцию сена. И не обращал на происходящее у него за спиной ни малейшего внимания!

По-видимому, он дал Мэриан Рэй пищу для размышлений. И все-таки она нашла в себе силы привычно одарить нас своей лучезарной улыбкой – странно, но только у симпатичных девиц это получается ничуть не хуже, чем у самых настоящих артисток! – и очень скоро уехала.

Я-то думал, что, как только она скроется из виду, босс все-таки разрешит бедняге Чипу спуститься вниз, и даже заметил, как и сам мальчишка исподволь поглядывал в его сторону, но Ньюболд сделал вид, будто совершенно забыл о существовании пацана. Его сердцу было неведомо чувство жалости. Вот и теперь, обратив в свою пользу мальчишеское честолюбие и максимализм, хозяин оставил его на верхней площадке пресса, заставляя работать на износ.

У меня уже возникло такое ощущение, что паренек может в любой момент упасть замертво. Я видел, как у него дрожали коленки, как он ходил, еле передвигая ноги, то и дело спотыкаясь. И тем не менее не выпускал вилы из рук, продолжая упорно запихивать сено в чрево пресса, так что все его последующие тюки были такими же плотными и увесистыми, как и самый первый.

Но вот последний час, тянувшийся, наверное, целую вечность, подошел к концу. К тому времени все мы только и делали, что затаив дыхание следили за настырным мальчишкой, который, похоже, не собирался сдаваться без боя.

Результатом этого его поединка с самим собой было то, что ему удалось выстоять до полудня, и к двенадцати часам дня он в одиночку перелопатил, не сходя с платформы, шестнадцать тонн сена. Зная, в это трудно поверить, и впоследствии многие сведущие люди, разбирающиеся в подобных вещах, выражали большие сомнения на сей счет, но я был там и видел все собственными глазами, а потом еще собственноручно подводил итог по записям, сделанным в книге учета обвязчиком тюков.

Шестнадцать тонн и восемнадцать фунтов, если уж быть до конца точным. А мальчишке было всего пятнадцать лет!

Как я уже сказал, он продолжал работать до того самого момента, пока повар не начал призывно стучать половником по сковородке, всем своим видом давая понять, что сколько бы времени ни показывали обычные часы, а только у него на кухне уже наступил полдень.

Работа была тут же прекращена, лошади распряжены, все начали дружно вытряхивать из-за пазухи колкую труху и протирать глаза от пыли. Я же продолжал наблюдать за мальчишкой и видел, как он начал было спускаться вниз, придерживаясь за стенку прессы, но затем передумал и медленно направился туда, где на земле высился ворох оставшегося после прессования мусора, состоявший наполовину из пыли и сенной трухи и доходивший почти что до самой площадки. Там он опустился на край платформы, но потом его тело развернулось, подобно неуправляемой лодке, подхваченной быстрым течением, и он безвольно скатился вниз.

Человек посторонний мог бы, пожалуй, решить, что мальчишка сильно ударился головой о твердый ком выжженной солнцем земли, но я-то знал, в чем дело.

Подбежав к нему, я приподнял ему голову и глянул в лицо. У него посинели губы, а вокруг глаз залегли белые пятна. Паренек безжизненно лежал на земле и был похож на размазанную обезьянку с картинки.

Не теряя времени, я дотащил мальчишку до бака с водой и окунул его туда несколько раз, после чего отволок под кухонный навес и, уложив так, чтобы ноги были выше головы, принялся обмахивать.

Ребята столпились вокруг нас и тоже помогали, кто чем мог. Никто не проронил ни слова. Да и особой помощи от них ждать тоже не приходилось. Но один взял у меня из рук сложенную газету и стал обмахивать ею мальчишку, и еще я помню, как Пит держал над горлом Чипа мокрую тряпку, выжимая из нее непрерывную струйку воды. Это была не самая приятная компания. Ребятам было стыдно, но только нет ничего опаснее совестливого мужика. Он стремится поскорее вновь обрести душевный покой и ради этого готов на все.

Подошел к нам и Ньюболд.

– Ну что ж, – произнес он, – думаю, мы здорово проучили этого щенка.

Никто ему не ответил, но все разом обернулись и красноречиво поглядели на босса. Больше он ничего не сказал, а лишь смущенно кашлянул и, напустив на себя подчеркнuto сосредоточенный вид, принялся сворачивать сигарку. Но я видел, как на лице у него заходили желваки, и мне стало ясно, что даже если Ньюболду неведомо чувство стыда, то по крайней мере иногда ему все-таки бывает страшно.

На протяжении последующего получаса мы хлопотали вокруг Чипа и все это время просто молчали, если, конечно, не считать того, что изредка кто-нибудь из нас в сердцах обзывал другого болваном, после чего плечом оттеснял ближнего своего в сторону и самолично брался выполнять часть его работы. Я уже не сомневался в том, что Чип умирает и что Ньюболду после этого тоже не жить, когда веки мальчишки вдруг дрогнули, он недоуменно посмотрел на нас, а затем вздохнул и снова закрыл глаза.

– Мапочка! – всхлипнул пацан, повернулся на бок и снова вздохнул.

Это зрелище потрясло меня до глубины души. Я имею в виду то, что было даже не обязательно заглядывать в его свидетельство о рождении, чтобы догадаться, что лет ему было на два-три года меньше, чем все мы думали. У каждого из нас и без того было мутно на душе, так что можете себе представить, что мы почувствовали, когда услышали этот жалобный всхлип, увидели, как он повернулся и вздохнул – совсем как ребенок в кроватке, когда над ним склоняется мать, чтобы поцеловать дитя на ночь.

Ньюболд решительно отодвинул меня в сторону и наклонился, чтобы получше разглядеть мальчишку. Он не сказал ничего, однако взгляд его был красноречивей всяких слов.

И тут затянувшееся молчание нарушил тихий мелодичный голосок, холодно заметивший:

– Теперь я вижу, мистер Ньюболд, что все это время он показывал вам, как работает пресс!

Опять эта девица!

Оказывается, ее лошадь потеряла подкову, и она повернула обратно, чтобы шагом доехать до нашего лагеря в надежде, что здесь смогут для нее что-либо сделать, тем более что у нас была своя кузница.

Произошло самое худшее из того, что могло с нами случиться. В такие дела посторонних вообще стараются не посвящать, даже мужчин. А уж про женщин и говорить нечего – любая из них, услышав подобную историю, для начала переварит полученную информацию, а потом выдаст собственную версию случившегося, дополняя ее новыми красочными подробностями. И с каждым новым пересказом наша компания будет все больше и больше походить на шайку людоедов-пожирателей детей!

Но хуже всего, если душераздирающие истории о нашей жестокости будут исходить от самой Мэриан Рэй, ибо ничего из сказанного ею не будет подвергнуто сомнению! У меня в голове промелькнула мысль о том, чтобы вскочить и убежать, любой ценой добраться до станции – хоть бы даже и пешком – и уехать подальше от этих мест.

По лицам остальных было видно, что они подумывают о том же.

Но не успели мы опомниться, как девушка уже сидела на земле, положив голову мальчишки к себе на колени, и, не обращая внимания ни на кого из нас, тихо приговаривала:

– Бедняжка! Бедный мальчик! – И она провела тонкими пальчиками по его пыльным волосам, убирая их со лба.

Но это было лишь начало. Всем своим видом Мэриан давала нам понять, какая огромная пропасть лежит между этим «бедным мальчиком» и звероподобными мужланами вроде нас.

Возможно, она была права.

Затем, вдоволь наладившись произведенным впечатлением, мисс Рэй распорядилась:

– Хватит поливать его водой. Температура и так уже ниже нормальной. Мы могли бы попытаться вернуть его к жизни. – Но тут же добавила: – Хотя, конечно, до конца оправиться от такого шока он уже не сможет никогда!

Мы не стали ставить под сомнение ее медицинские познания. Так или иначе, а только наша дальнейшая судьба зависела от этой девчонки, и чем меньше мы говорили, тем было лучше для нас же самих.

Я уже не помню, что она делала. Но кажется, в какой-то момент спросила, не найдется ли у нас немного виски, и тут же извинилась за свое предположение, будто бы мы можем держать при себе такую отраву. Отраву? Да она сама была похлеще всякого яда и могла отравить жизнь кому угодно. Мэриан действовала нам на нервы. Готов поклясться, что все это время она продолжала улыбаться уголками губ. А еще то и дело поднимала глаза, останавливая пристальный взгляд на ком-нибудь из нас, словно желая запомнить наши лица и имена для дальнейшего упоминания.

Короче, положение было совершенно дурацкое. Я даже забыл о своей жалости к мальчишке. По мне, уж лучше бы он сгинул и был затоптан насмерть обезумевшими от жажды коровами, избавляя нас тем самым от дальнейших мук совести.

Время от времени я посматривал на Ньюболда и был несказанно удивлен, заметив со второго или третьего раза, что при всей своей бесчувственности и носорожьей толстокожести он тоже, оказывается, умеет переживать. И это еще мягко сказано!

В конце концов босс собрался с духом и проговорил:

– Мисс Рэй, я не знал...

Девушка подняла голову и холодно посмотрела на него:

– Чего вы не знали, мистер Ньюболд?

Он глядел на нее в упор. Это был отважный поступок с его стороны.

– Я не знал, что могу быть такой скотиной!

О том, что произошло в следующий момент, даже вспоминать не хочется. Она пристально посмотрела на него и спросила:

– Неужели?

Это было самое язвительное замечание из всех, когда-либо мною слышанных. А я, признаться, в своей жизни слышал немало гневных тирад, да и чего не наговоришь по пьяному делу.

Мальчишка пошевелился и застонал.

– Не волнуйся, все хорошо, – успокоила она его. – Бедный мальчик!

Тут он вздрогнул и порывисто сел. Огляделся по сторонам и недоумевающе уставился на девушку.

– А это что еще за детский сад? – спросил Чип. – Хватит нюни распускать!

И поднялся с земли!

Глава 7

Что ж, должен признаться, мне стало намного легче, когда я увидел, что парень снова встал на ноги. Затем он неуверенно шагнул вперед, покачнулся, но сумел удержать равновесие, схватившись рукой за край колеса полевой кухни.

– Слушай, Джо, дай закурить, – попросил Чип.

Вид у него был совсем больной, и я прекрасно знал, что меньше всего на свете ему сейчас хочется курить, однако все же достал кисет и начал сворачивать для него сигарку. Было ясно, Чип специально затеял этот разговор, чтобы потянуть время. И все наши это тоже понимали.

Но девушка все приняла за чистую монету. Она подошла к мальчишке и встревоженно сказала:

– А может, тебе все-таки лучше лечь? Ты очень плохо выглядишь. Это же надо, пережить такое, мой бедный мальчик...

Чип презрительно глянул на нее, затем обернулся к нам.

– Чего это она, ненормальная, что ли? – бросил он. – Слушай, Джо, уведи меня отсюда, а то вдруг это заразно.

Его замечание вынудило мисс Рэй отступить на несколько шагов назад. Но она не унималась. Если уж уверенная в собственной правоте женщина задумала вершить добро, то никакая сила ее не остановит.

– Послушай, – заговорила она, – а разве тебе не хочется поехать со мной? Мой отец с радостью взял бы на работу такого... мужчину, как ты.

Она сделала ударение на слове «мужчина», сопроводив его парой своих самых очаровательных улыбок.

– А позвольте узнать, мэм, кто ваш папаша?

– Судья Артур Рэй, – мягко ответила девушка, видимо не желая окончательно смутить бедного пацана упоминанием столь славного имени.

– Судья Артур Рэй... судья Артур Рэй... – задумчиво повторил мальчишка с таким видом, словно ему необходимо время, чтобы вспомнить имя человека, о котором был слышан всякий живущий на Западе, точно так же, как все знали, кто такие тетоны. – Ах да, теперь припоминаю! Это тот мужик, который ловко облагопошил индейцев на сделке с землей, да?

Злые языки действительно поговаривали, будто старый судья Рэй выторговал у индейцев-тетонов лучшие пастбищные земли, расплачиваясь с ними по большей части кукурузным самогоном. Даже если семейство Рэй не имело обыкновения обращать внимания на досужие пересуды, то до девушки наверняка доходили подобные слухи. Она густо покраснела и явно собралась что-то возразить, но только этот несносный мальчишка не дал ей такой возможности.

Он продолжал развивать свою мысль:

– Возможно, вашему папаше и в самом деле нужен хороший работник. Можете ему передать, что я очень польщен получить такое приглашение, но вынужден отказаться, потому что по-индейски говорить не умею и не смогу быть ему полезен. Пресс для сена – вот моя стихия.

– Но ведь... – начала было девушка и тут же осеклась. Должно быть, вовремя поняла, что собирается сказать очередную банальность. А может, просто решила, что незачем повторять прописные истины.

Мэриан лишь вздохнула и продолжила уговоры. Как я уже сказал, никакая сила не может остановить женщину, если та решила высоко поднять знамя добродетели. Она все равно не отступится и будет идти вперед, звонко цокая высокими каблучками и уверенно шагая по головам, а если понадобится, то и по трупам.

– Все-таки подумай. Я с отцом рассталась всего в нескольких милях отсюда, но мы с тобой могли бы запросто встретиться с ним на обратном пути. И когда я расскажу ему... ну, в общем,

уверена, он захочет взять тебя на работу. К тому же у нас там есть все условия для юных... работников. Сегодня утром ему пришлось отправиться на охоту, но думаю, мы встретим его по дороге домой.

– Он что, на индейцев охотится? – уточнил мальчишка, который, похоже, был вытесан из цельного бревна и не имел никакого представления о тактичности.

Девушка же была терпелива и слащаво-любезна.

– Тот, за кем охотится мой отец, похуже любого индейца, – пояснила Мэриан. – Это настоящий преступник, вор и убийца. Головорез, одним словом, – подытожила она, покачала при этом головой и снова улыбнулась, давая понять всем своим видом, что и сама поражена подобным проявлением доблести и отваги со стороны старого судьи Рэя.

– И что же это за чудо-юдо такое? – заинтересовался крутой пацан Чип. – Как его зовут?

– Кого? Моего отца? – уточнила девушка, проявляя чудеса выдержки и обладая поистине ангельским терпением.

– Нет. Того головореза.

– Его имя Дуглас Уотерс.

– Вот это да! – воскликнул мальчишка. – Час от часу не легче!

– А что такое? – смутилась она.

– Вы хотите сказать, что ваш папаша задумал изловить самого крутого из головорезов, изворотливейшего из ловкачей и опытнейшего из погонщиков, когда-либо объявлявшихся в этих краях? Вы это хотите сказать? – спросил Чип. – Думаю, в таком случае мне не стоит заводить с вашим папашей разговор о работе. Лично я предпочел бы тему поинтереснее. – Он обернулся ко мне: – Пойдем отсюда, Джо, я покажу тебе, как обращаться с джексоновскими вилами. Хочешь?

– Конечно, – с готовностью отозвался я и взял его под локоть, давая ему возможность опереться на мою руку.

Вот таким образом мы удалились, оставив мисс Рэй наедине со всеми ее благими намерениями! Она же, если можно так сказать, продолжила тихо дрейфовать под поникшими парусами, и я заметил, что наш босс изо всех сил старается удержаться от душившего его смеха.

Разумеется, я не стал терять время на рассуждения о вилах и граблях, а просто отвел мальчишку в тень, за груды сложенных тюков, усадил на землю и начал обмахивать собственной шляпой.

Он обессиленно откинулся на сено и остался неподвижно сидеть, беспомощно уронив руки и широко раскинув ноги, словно безнадежный пьяница. Его губы подрагивали, он как будто и сам сильно сомневался в том, что сможет протянуть еще какое-то время в подобном положении.

Но первое, что сказал, было:

– Гляди в оба. Не дай им увидеть меня... вот в таком виде!

– Ты выглядишь как нельзя лучше, – заверил я его. Уж не знаю, почему «лучше нельзя», но так принято говорить. – Так что не волнуйся. Я покараулю. А если кто-нибудь здесь появится, то ты просто будешь чертить на земле схему и объяснять мне что-нибудь по ней.

Его губы дрогнули еще пару раз, прежде чем он сумел улыбнуться. А затем последовал моему совету и принялся чертить линии в пыли. И все же в какой-то момент поднял глаза, наши взгляды встретились.

– Спасибо, Джо, – выдохнул Чип. – Ты настоящий друг!

Мне хотелось, чтобы он лег и переждал приступ тошноты. Но выразить это пожелание вслух я не посмел, зная наперед, что оно все равно будет с негодованием отвергнуто. Среди мужчин подобные упрямцы хоть и редко, но все-таки встречаются – по одному на миллион человек; пацан же с подобными замашками – явление и вовсе уникальное.

Так что парень остался сидеть, предпочитая приходить в себя именно в таком положении. Однако я ни минуты не сомневался, что, будь у него чуть больше сил, он и вовсе вскочил бы на ноги.

Я разглядывал мальчишку, наблюдая за той внутренней борьбой, которую он вел сам с собой, и просто не находил слов, чтобы выразить мое восхищение.

Наблюдая за ним, я подумал, что, наверное, все мальчишки, вступая в пору взросления, способны на любое безрассудство. Если у них хватает сил на то, чтобы взять в руки винтовку и держаться в седле, то, стало быть, и работать они могут практически наравне со взрослыми мужчинами. А если так, то, значит, в сущности они почти ни в чем им не уступают.

Кроме того, у мальчишек есть особые преимущества. Они независимы. Женщина становится истинной женщиной в том нежном возрасте, когда берет за шиворот любимую куклу и начинает верещать: «Это мое!» Мужчина же не представляет собой ничего особенного, оставаясь на протяжении всей жизни бедным, безвольным и сентиментальным слугой взрослой женщины, добровольно возлагая на себя обязанности строителя домашнего очага, мастера на все руки, добытчика и королевского шута. В благодарность за это его коронуют колпаком с бубенцами и вместо скипетра дают в руки шутовской жезл с ослиными ушами, после чего делают видимость, что восторгаются его недюжинной силой и умственными способностями, без остатка уходящими лишь на то, чтобы содержать жену и потомство.

Взрослый мужчина – это вполне сформировавшийся идиот. И все дела. Мальчишка же – совсем другое дело. Он независим и свободен, как птица. У него свой собственный путь, который он прокладывает с таким старанием и упорством, что только пыль да щепки летят, и при этом обычно надеется, что они запорошат глаза ближнему.

Вот и теперь, сидя рядом с Чипом, обмахивая его шляпой и восхищаясь им, я не мог не поразиться тому, с какой легкостью он поставил на место красавицу Мэриан Рэй.

Она и в самом деле была красива. Вполне мила, чтобы свести с ума любого мужчину. Одной ее улыбки было достаточно, чтобы на целый месяц лишить бедного погонщика сна и покоя, после чего ему не оставалось ничего другого, как ворочаться с боку на бок ночи напролет. Она была так очаровательна, что в мгновение ока покорила сердца целой бригады, занятой на обслуживании прессы для сена. Для этого вполне хватило одного ее взгляда.

Но только проделать тот же самый трюк с Чипом все-таки не смогла, как ни старалась. Тут все ее чары оказались бессильны.

Да и какое дело было ему до всех ее прелестей? Не раздумывая ни минуты, он отдал бы всех красавиц на свете за одну лишь новенькую винтовку и резвого мустанга-трехлетку с пышным, развевающимся на ветру хвостом и огненным взглядом.

И вот когда все остальные мужчины, по своему обыкновению, впали в благоговейное оцепенение, мальчишка невозмутимо вылез вперед и, образно говоря, уподобившись слону в посудной лавке, протопал по тончайшему фарфору ее души, в которую по ходу дела беззастенчиво наплевал, а потом еще не преминул осудить отца девушки и вообще дал красавице достаточно пищи для размышлений на несколько месяцев вперед, так что бессонные ночи ей теперь были обеспечены.

Скажу откровенно, к мальчишкам я чувствую особое расположение. Так было и так будет всегда. Я восхищаюсь ими. Но если уж быть до конца честным, то еще больше я им завидую.

Тогда же, сидя рядом с Чипом и разглядывая его, я думал о его выносливости, о том, чего он уже добился и что мог бы еще совершить, и не смог удержаться от горестного вздоха, представив, что пройдет всего каких-нибудь два года, и он неизбежно станет таким же, как мы все. Стрела амура пронзит его в самое сердце, отравляя тело и душу сладким ядом, он превратится в сентиментального увальня, феномен которого нам чрезвычайно близок и понятен, ибо, раз и навсегда оказавшись в плену у женских чар, мы являем собой лишь жалкое подобие могучего Самсона.

Так что триумфу Чипа не суждено длиться вечно. Рано или поздно его тоже не минует такая же участь.

Но в тот момент он был непоколебим и неприступен, подобно укрепленному английскому форту на Гибралтаре, который в просторечии именуется Скалой. И я смотрел на него с таким восхищением, словно передо мной сидел сверхчеловек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.